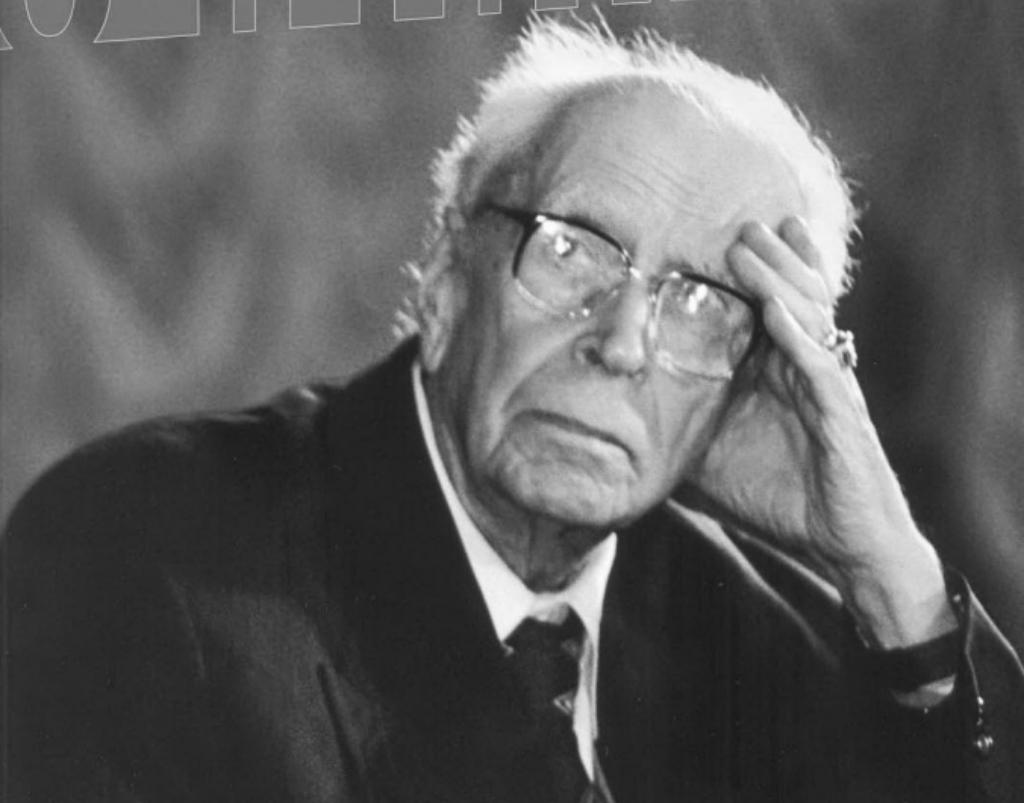

ДОЧЕНЬИ

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА
ЛИХАЧЕВА

№01 / СПЕЦВЫПУСК / 2006-2007
UNIVERSITY MAGAZINE

Юрий ЗОБНИН:

«МЫ ЧУВСТВУЕМ СЕБЯ КРЕСТНИКАМИ ЛИХАЧЕВА»

Доктор филологических наук, профессор СПбГУП Юрий Владимирович Зобнин начал всерьез заниматься наукой в те недавние времена, когда изданный в Америке четырехтомник Гумилева назывался «книгой стоимостью в десять лет», и... стал первым в стране специалистом по творчеству этого гениального поэта. А в легализации поэзии Гумилева, как и в борьбе за отмену других странных, на наш теперешний взгляд, запретов, принимал деятельное участие Дмитрий Сергеевич Лихачев. Так биография профессора Зобнина оказалась связанной с именем Лихачева.

ПЕРЕМЕНА УЧАСТИ

— Как вы познакомились с Дмитрием Сергеевичем?

— На последнем курсе университета мне пришло поменять кафедру, на которой я собирался защищать диплом. Я учился на отделении «Русский язык как иностранный», уже произошло распределение, и меня начали готовить в Африку, военным советником. (Есть люди, которые до сих пор на меня в обиде, что я туда не поехал.) Но как раз в этот период творчество Николая Гумилева стало выходить из подполья. Еще в начале 1980-х годов за хранение его книг можно было пострадать: стать «невыездным» или даже лишиться работы. Ну а во времена «советских строгостей», при Сталине и даже при Хрущеве любители Гумилева вполне могли отправиться «на великие стroyki коммунизма», как говорил сын поэта, Л. Н. Гумилев, сам пятнадцать лет отсидевший в лагерях просто «за фамилию». Замечательная петербургская поэтесса И. М. Наппельбаум, с которой я имел счастье быть лично знакомым, получила в начале 50-х годов десять лет строгого режима за то... что в начале 30-х годов у

нее в квартире висел портрет Гумилева. Заметим, что самого портрета в это время уже физически не было — он был уничтожен в 1937 году. Но — ничего не помогло: если кто-то когда-то хранил портрет «лютого врага советской власти», то, значит, он и сам враг...

И вдруг — «реабилитация». В газетах и журналах появились подборки гумилевских стихов. Стали проходить поэтические вечера. Наконец, в 1988 году в большой серии «Библиотека поэта» (одном из самых авторитетных научных изданий) появился том Гумилева, созданный А. И. Павловским и М. Д. Эльзаном. Кстати, Алексей Ильич Павловский, мой учитель (он был научным руководителем моей аспирантуры), говорил мне, что, по всей вероятности, к процессу «реабилитации» Гумилева, что называется, приложил руку и Д. С. Лихачев. Он был тогда близок к семье М. С. Горбачева, вместе с Р. М. Горбачевой организовывал Советский фонд культуры. И, как оказалось, Раиса Максимовна знала гумилевское творчество, любила его стихи, так что Дмитрий Сергеевич, очевидно, этот интерес «первой леди» СССР к Гумилеву, что

Стр. 24.
* Доктор филологических наук, профессор СПбГУП
Ю. В. Зобнин

Стр. 25.
* Д. С. Лихачев. Дискуссия «Судьба российской интеллигенции». Дворец Белоусовских-Белозерских. 23.05.1996

назывался, подпитывал и направлял в нужную сторону.

Упустить такой подарок судьбы было невозможно. В результате я стал писать диплом «Раннее творчество Николая Гумилева» на кафедре истории русской литературы. Это был первый диплом по Гумилеву в стране. В 1987 году его написание торжественным образом разрешили, а в 1988-м я защищился. И меня сразу взяли аспирантом в Пушкинский Дом. Правда, подстраживались и предложили: «Ты пока у нас будешь год в заочной аспирантуре. Если тебя не будут трогать, переведешься в очную». Нет проблем – я год проработал в Политехе.

– Кем?

– Да по специальности – преподавал русский язык вьетнамцам. Они не знали французского, я не знал вьетнамского, поэтому занятия были по принципу «я – Робинзон, ты – Пятница» (смеется). А когда Гумилев вышел в «Библиотеке поэта», перевелся в очную аспирантуру. И сразу принял участие в подготовке Полного собрания сочинений Гумилева, стал его ответственным редактором. Кстати, поначалу, когда я приходил в Публичную библиотеку со

своими заявочками, сотрудники по привычке отшатывались. Это было, правда, недолго. И вот в качестве аспиранта, занимавшегося Гумилевым, я и познакомился с Лихачевым.

КУПЛЕННЫЙ АРХИВ И СПАСЕННЫЙ МУЗЕЙ

– Дмитрий Сергеевич был самым авторитетным в Пушкинском Доме ходатаем «в верхах» за всевозможные проекты – издательские, исследовательские, научные и т. д. Самый яркий на моей памяти эпизод был связан с архивом Лукницкого. Павел Николаевич Лукницкий был крупнейшим коллекционером, горячим поклонником Гумилева. Он первый составил его биографию, был близко знаком с обеими женами Николая Степановича – Анной Андреевной Ахматовой и Анной Николаевной Энгельгардт... Все материалы о Гумилеве Лукницкий хранил у себя, архив был под личным контролем Андропова. После смерти Павла Николаевича его з妇, Веру Константиновну, Юрий Владимирович вызвал к себе и сказал: «Мы вас трогать не будем, все собранное Павлом Николаевичем останется

у вас. Но вы должны дать нам честное слово, что все это будет просто лежать в вашей квартире».

– Ей было запрещено показывать документы другим людям?

– Когда Вера Константиновна передавала мне этот архив, она много рассказала о таких «советско-абсурдистских» баек. Нет, показывать не было запрещено. Но и не было разрешено. К ней приходили, она доставала какой-нибудь листочек из коллекции и «под столом» показывала. Потом этот архив она решила продать Пушкинскому Дому, причем за не очень большие по мировым ценам деньги, но все равно понадобилась спонсорская помощь крупных компаний, чуть ли не «Газпром», и... как ни странно, Чубайс взялся за это дело, причем с таким энтузиазмом, что на небесах ему за одни это многого простится. Так что деньги были, сложность оказалась в другом. Веру Константиновну очень много фрагментов после перестройки опубликовали, где только можно. Она, конечно, торопилась восстановить справедливость и популяризировать деятельность Павла Николаевича – великого коллекционера-хра-

Стр. 26.
• Пoэт M. A. Дудин, D. C. Лихачев.
A. C. Запесоцкий. Церемония вручения диплома
и манифис Почетного доктора СПбГУП
D. C. Лихачеву. СПбГУП. 19.05.1993

нителя, о которой раньше было запрещено говорить, хотела популяризировать его архив, заинтересовать. Поэтому публикации шли по принципу «три первых листа из каждой папки». Она особенно не занималась систематизацией материалов, но опубликовала очень много. Поэтому вдруг встал вопрос, действительно ли так ценен этот архив, что нужно его покупать. Спонсоры сказали: «Ребята, если хотите покупать, вы должны завтра сказать «да». И вы отвечаете за то, что купили». И вот собирается учебный совет, там были Лихачев, Панченко, Скотов, еще несколько человек и ваш покорный слуга – я ведь ответственный редактор... Скотов встает и говорит: «Сейчас нам нужно принять решение, это очень большие деньги. Имеет смысл его покупать или нет? Кто может дать гарантии?». Я говорю: «Я всего архива не видел, но если человек собирал его всю жизнь...». И тут Лихачев говорит: «Я Луконского знал. Это был фанатик. Имейте в виду – он обязантельно что-нибудь спрятал». Он и «дал отмашку».

Перевозил архив из Москвы я. Когда просто берешь в руки, пакуешь и грузишь рукописи Ахматовой, Пастернака – странное чувство... Получились две огромные сумки. Мы с Верой Константиновной решили плюнуть на все меры безопасности, взяли билеты в купе, положили эти сумки под сиденья и так доехели. Приехали на Московский вокзал, звонко в Пушкинский Дом: «Привезли!». Там ахнули: «Как-а? А броневички где? – «Какие броневички? Машину сюда пригоните!». Так что я своими руками внес архив в Пушкинский Дом, чем горжусь (**смеется**). Открыли, все начали ахать. Много народа разబирало этот архив, в том числе и я. Попалась мне папка беленькая, без всякой надписи. А по описям, сделанным самим Луконским, – их Вера Константиновна тоже передала – она называетя «Папка материалов». Открываю, вижу листы, исписанные карандашом, вырванные из разных тетрадок, и вкладыш: «Материалы конспектов лекций Гумилева по теории поэзии, сделанных его учениками». Думаю – вот это да! Никто же не знает, что он там говорил! Расшифровываю, расшифровываю, смотрю – под этими разноязычными листками... какие хорошие конспекты! Раньше были отрывочные, а эти, хорошие, начал списывать... и понял, что это – сам Гумилев!!! Срок страниц – «Теория интегральной поэзии», неизвестная рукопись Гумилева. Стоимость одной этой тетрадки, которую Луконский так хорошо спрятал, – Вера Константиновна ничего о ней не зна-

ла – может быть, превышала те деньги, за которые был куплен архив. Кстати, в архиве нашли и рукопись «Реквиема» Ахматовой, очень важная вещь, текстологический источник. Были там и другие материалы, очень много интересного, но самой важной находкой была, конечно, эта рукопись Гумилева. Я считаю Дмитрия Сергеевича «крестным отцом» этого открытия. Если бы не его слово тогда, архив, возможно, был бы распродан по частям или это бы еще куда-нибудь ушло, а может, и вообще бы кануло в Лету.

А вот еще одна почти детективная история про Лихачева. Закрывали в очередной раз музей «Анны Ахматова. Серебряный век» в Автобусе. В советское время власти не понимали, зачем нужен такой музей, расадник диссидентства. И после перестройки, по старой памяти, те же люди его продолжали время от времени закрывать. Тогда музей закрыли серьезно: Валентину Андреевну Биличенко, «ангела-хранителя» памяти семьи Гумилевых, создателя музея, убрали из директоров и, так сказать, «на дверь навесили замок». А там большие ценности: ахматовские реликвии, много личных вещей Льва Николаевича Гумилева, уникальные реалии диссидентского движения 60–70-х годов, гитара Высоцкого, кстати, и гитара Галича...

Я в очередной начал бегать по Пушкинскому Дому, «быть в колокола»: «Подпишитесь кто-нибудь, чтобы не закрывали музей!». Лихачев, вероятно, об этом услышал. И вдруг вечером в квартире В. А. Биличенко, как она рассказывала, звонок: «Здравствуйте, Валентина Андреевна!». А он не был с ней знаком. «Кто это говорит?» – «Лихачев», – «Какой Лихачев?» – «Дмитрий Сергеевич Лихачев, из Пушкинского Дома. Мне сказали, что у вас какие-то проблемы. Давайте я приеду и посмотрю». Это был 1998 год, он уже был очень болен... И вот он приехал, ему все открыли, он спокойно, не спеша посмотрел и сказал: «Хороший музей». Чайку попили. И очень скоро Валентину Андреевну позвонили из отдела культуры и сказали: «Ну... мы были не правы, попортились».

Я не хочу ни идеализировать, ни, тем более, «мифологизировать» Дмитрия Сергеевича, но слова Гамлета – «Человек он был!» – к нему подходят. Он не был «сва-

дебным академиком» (по аналогии со «свадебным генералом») – таких я видел немало. Он до конца своих дней оставался человеком ясного ума и сильной воли. Я в своей жизни встречалась с тремя людьми, которых окружала «aura истории»: Дмитрий Сергеевич Лихачев, Лев Николаевич Гумилев и Александр Михайлович Панченко. Это «алмазный мой венец», как у Катаева.

Likhachev Square

– Этот год объявлен годом Лихачева, страны празднуют столетие...

– Это хорошо и правильно, но, как всегда бывает в нашем отечестве, сейчас самые разные люди стали использовать имя Лихачева как некий «брэнд», особенно радикальные демократы, которые поднимают Лихачева на щит как «сознание нации» и «апологета демократии», тогда как для

пушкинодомовцев Лихачев – в первую очередь академический учены...

... Я очень не люблю определения типа «сознание нации», «отец нации» – я такими категориями не мыслю. Но то, что Лихачев и в общественном движении новейшей российской истории действительно серьезная, а не дуга ве-личина, очевидно.

И хотелось бы, поскольку в год Лихачева обсуждается вопрос об увековечении его памяти, чтобы Дмитрий Сергеевич был увековечен нормальными топонимическими мемориями. То есть, грубо говоря, это должны быть не те места, мимо которых Дмитрий Сергеевич проходил и на которые, возможно, смотрел, а места, в полном смысле слова связанные с его жизнью и деятельности. Вот улица, на которой он жил, – бывший проспект Шверника, теперь Второй Муринский, – назвать его именем – это да... Настоящая мемория – это подлинник: вот дом Лихачева, а вот его улица. Второе, что приходит в голову, – что-то рядом с Пушкинским Домом. Только вот площадь Академика Сахарова переименовывать не хочется, набережную Макарова тоже... Но если там все же что-нибудь найдут, это будет понятно. Третье – Гуманитарный университет профсоюзов. Мы хотим назвать имением Лихачева площадь перед Университетом, на которой Дмитрий Сергеевич неоднократно выступал, в частности с презентацией Декларации прав культуры. Там есть сложности, потому что к принятию ре-

шения привлечены люди, плохо знающие Лихачева и совсем не знающие нашего Университета. Уже начались какие-то интриги... Но если получится, будет очень хорошо. Это тоже была бы реальная мемория. Да еще и продолжающая его начинания. С Университетом было так. После перестройки Высшая профсоюзная школа культуры приказала долго жить. Это был 1992 год, развал всего. Понимали все относились к созданию Гуманитарного университета профсоюзов примерно так же, как к СНГ.

Считали, что это «ликвидационный этап», что это безнадежно, что конца не миновать.

— А как же преподаватели, студенты...?

— Народ стал разбегаться. Ректором назначили Александра Сергеевича Запесоцкого... он же даже доктором наук в то время не был... думая, чтобы «спустить флаг». Все было разрушено, аудитории не оборудованы, стекла перебиты... да и вообще

здание было по большому счету не достроено, не принято госкомиссией. Запесоцкий же развил титаническую деятельность, стал набирать перспективную молодежь. Меня через год пригласил — кстати, по рекомендации Лихачева.

Когда Запесоцкий только-только вступил в должность, он организовал две символические акции. Нужно было знамя, чтобы деморализованные преподаватели, которым месяца три не платили зарплату, и оставшиеся 120 или 130 студентов понимали, что жизнь продолжается. Первое — освятил здание Университета...

— Он верующий?

— В том-то и дело, что нет! Но сделал все мистически правильно. Он пригласил отца Богдана из Никольского собора, и вот в день Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия они ходили по этажам — к удивлению одичавших студентов — и освящали все во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. С тех пор 24 мая — день рождения Университета. Второе — он пригласил Дмитрия Сергеевича Лихачева в качестве Почетного доктора. Кстати, это был первый случай присуждения звания доктора honoris causa у нас в стране. Никто ничего не понимал, все смеялись, но Лихачев неожиданно от-

Стр. 28.

* Директор Республиканского гуманитарного института

В. Т. Пулев, А. С. Запесоцкий, Д. С. Лихачев. Дискуссия «Фабба российской интеллигенции». Дворец Белосельских-Белозерских. 03.12.1996

Стр. 29.

* Скульптор М. К. Аникишин, Д. С. Лихачев, балетмейстер А. А. Макаров. Дискуссия «Фабба российской интеллигенции».

Дворец Белосельских-Белозерских. 03.12.1996

несся к этому вполне серьезно. Он приехал, дал свою оксфордскую мантую в качестве примера, потому что никто не знал, как ее шить. Неожиданно все получилось очень торжественно. Лихачев приехал, надел новую мантию, произнес речь, причем речь была о Петербурге. Это был знаковый момент, хотя ритуалы, которые разработаны сейчас, тогда не было. Но мистика – как когда Жана д'Арк проносились перед войсками и кричала: «La belle France!» – в этом была. Потому что с момента освящения здания и инаугурации Лихачева «колесо» вдруг начало, с удивлением всех, «крутиться». И мы все почувствовали себя крестниками Лихачева.

Первые два-три года Лихачев мало был в Университете, но потом все изменилось. Дело в том, что Дмитрий Сергеевич действительно был знаменем демократического движения и поначалу не очень понимал, во что все потом превратятся... В ноябре прошлого года было заседание памяти Лихачева в Академии наук, которое организовал известный библиограф и литератор Евгений Борисович Белодубровский, создатель мемуарных вечеров «Тру-

ды и дни». И там один человек, знавший Лихачева, рассказывал, что году в 96-м Дмитрий Сергеевич сказал ему: «Знаешь, я ведь больше ничего не подписываю. Помнишь, ты говорил, что я никому не могу отказать? Вот теперь могу». Вот в этом контексте, я думаю, наш Университет для Лихачева был в какой-то мере оправданием его действий в начале 90-х годов. Мы выжили, мы действуем, мы делаем тот Университет, который хотим делать. Мы действительно независимые – настолько, насколько это сейчас возможно. Лихачев стал обращать на то, что происходит в СПбГУП, серьезное внимание года с 1995-го. И стал в Университете часто бывать, выступал на всех праздниках, научных конференциях.

Мы сейчас делаем книгу на основе стендограммы выступлений Лихачева в Гуманитарном университете профсоюзов. Когда все расшифровали, я понял, что Дмитрий Сергеевич, выступая у нас, в течение ряда лет развивал фактически одну и ту же тему. О том, что нужно делать сейчас интеллигенции. Тезисов три. Первое: ни при каких условиях русский интеллигент не должен

вступать в политическую партию. Ни в какую. Если интеллигент начинает заниматься легальной политикой, он перестает быть интеллигентом. Второе: у интеллигенции есть инструмент воздействия на жизнь страны, и этот инструмент – общественное мнение. Интеллигенция должна вновь собираться в неформальные объединения вроде диссидентских «посиделок на кухне» и там сознательно формировать общественное мнение, чем, собственно, она и занималась в советское время. Третье: если государство начнет давить интеллигенцию, получится катастрофа, поэтому от «государственных объятий» нужно уклоняться, но направлять с ним не конфликтовать. Должна быть внутренняя свобода, «тайная свобода». В общем, интеллигенты должны действовать, как в свое время альбигойцы: снаружи ты правоверный католик, а что у тебя внутри – другое дело. То, что говорил Лихачев, очень похоже на слова леди Макбет: «Кажись цветком и будь змеей под ним». И тогда интеллигенция вновь будет в своей стихии. Страшновато звучит, но, если вдуматься, это правда.

Беседовала Татьяна ЛЬВОВА